

ФАНТАСОФИЯ

литературный альманах

Выпуск №1

Фантастика

Эдуард Байков
Фантасофия. Выпуск
1. Фантастика

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6546476

Аннотация

Первый выпуск альманаха «Фантасофия» составлен на основе произведений малой литературной формы – рассказов, миниатюр, сказок – писателей Республики Башкортостан, работающих в жанрах «ирреальной» остросюжетной беллетристики: фантастика всех направлений, мистика, сказка, гротеск.

Содержание

Эдуард Байков	5
Эдуард байков	14
Лилия Баимбетова, Муса Сатыртдинов	19
Лилия Баимбетова	27
Денис Лапицкий	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдуард Байков

Фантасофия выпуск 1

© Э. А. Байков, 2004

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Эдуард Байков

Инферно¹

Я давно ждал этого дня. Сквозь века и тысячелетия пронесла память бессмертной души скрытую ото всех тайну. Десятки и даже сотни воплощений потребовались для эволюции моего духа, пока, наконец, не настал срок раскрытия загадки. Особые знания и специальные навыки понадобились для того, чтобы выудить из глубин подсознания нужную информацию. Пришлось воплощаться во множество жизней и внешних форм, и вот настало мое время.

С самого детства разум мой был направлен на постижение секретов естества. Я увлекся мистикой и оккультными науками. Эзотерические знания давались мне легко, и годам к двадцати я уже знал и умел больше, нежели иной из кичившихся своей славой магистров оккультизма.

Прошло еще пять лет, и с каждым годом в моей душе нарастало недовольство достигнутым. Подсознательно я чувствовал запрятанную в глубинах моего разума некую информацию, настолько значительную и грандиозную, что все прежние возможности блекли перед нею, как звезды пред луной. И я принялся медитировать о своих прошлых жизнях.

Это были невероятные воспоминания, своего рода озаре-

¹ От лат. *infernum* – ад, преисподняя.

ния. Я видел картины прошлого в самом себе объемно, в цвете, с запахами и прочими физическими ощущениями. Одна за другой проходили перед моим внутренним духовным взором жизни того, кем являлся я в те времена. Упорно доискиваясь до причины своего беспокойства, я все более углублялся в опыт перерождений. И однажды это случилось. Теперь я вспомнил и понял все.

Мне стало понятно, почему в своих жизнях я всегда обитал возле одной и той же местности. Как спутник вращается вокруг планеты, никуда не отклоняясь от своей орбиты, так и я постоянно присутствовал либо в центре этой древней страны, либо находился рядом с нею. Хайрат – священная земля ариев, представителей Белой расы, древняя горная страна, названная эллинами Рифеем, а впоследствии – Уралом. Когда арии были предупреждены свыше о предстоящей гибели своего материка Арктиды, самые прозорливые из них стали перебираться к югу, на обширный континент Лавразию. Продвигаясь по высоченному в то время Уральскому хребту, они расселились в этой местности, ставшей их второй прародиной – страной Ариан. Было это несколько миллионов лет тому назад.

Десятки тысяч лет назад, не буду уточнять, когда именно, я был последним жрецом-магом среди оставшихся на Урале остатков арийских племен. Все европейцы, в том числе славяне – потомки западной ветви ариев; таджики, иранцы и многие индийцы – южная ветвь Белой расы. Засветились

арии и в числе прародителей многих тюркских народов, в частности, татар.

Так вот, моя мудрость в ту пору достигла своего апогея. Жрецы ушедших на запад и юг племен соединили свой опыт с учениями четырех других рас. Я же совершенствовался в знании, дошедшем до нас из седой древности от дэвов, лучезарных сынов Света, которые обитали когда-то только среди населения Арктиды. Изучив белую и серую сторону магического искусства, я решил познать и черную. Вот тут-то мне и открылась великая тайна. К сожалению, в своих медитациях я не смог проследить до конца результаты постижения той тайны, но знал, что это величайшее открытие. И я дерзнул воспользоваться им теперь, в последнем десятилетии двадцатого века.

Основательно подготовившись, я двинулся в путь, к самому центру Уральских гор, куда редко ступала нога человека, в самый труднопроходимый район. Здесь остались лишь обломки от некогда величественной горы Харатыи. Нелегко был мой путь, но я добрался до искомого места. Это была огромная, совершенно отвесная скала, возвышающаяся среди поросших густым лесом вершин. Расположившись возле подножия каменной глыбы, я всю ночь жег костер и молился про себя духам, охраняющим это место. На следующий день, сосредоточив свою волю, я принялся творить руками магические жесты и читать особые заклинания.

Пока я целиком предавался этому занятию, солнце уже

перевалило зенит и стало клониться к закату. Неожиданно я почувствовал огромные вихреобразные потоки невидимой глазу энергии, которые принялись закручиваться вокруг меня в спирали, одним концом направленные в небо, а другим уходящие в землю. Постепенно эти крутящиеся вихри сделались осязаемыми почти реально. Я физически чувствовал бешеную круговерть, подобную смерчу. Это и был смерч, тайфун, но только из иного, астрального мира, оттуда, где обитают духи и души умерших.

Природная стихия вокруг меня разбушевалась. Потемнело небо, заходящее солнце скрылось за мрачными тучами, и неожиданно налетела буря, какой никогда не бывало в этих краях. Однако всему есть свой предел. Улеглась непогода, исчезли энергетические вихри, а на прояснившемся ночном небе проступили мерцающие звезды. Моему изумленному взору предстало черное отверстие, разверзшееся в совершенно гладкой поверхности каменной глыбы.

Призвав на помощь дэвов и своего Архангела, я вступил в темнеющую расщелину скалы. Зная, что сразу нельзя зажигать огонь, я некоторое время шел в абсолютной темноте, продвигаясь на ощупь куда-то вглубь горы по некоему тоннелю. Наконец, я почувствовал, как стены прохода раздвинулись, и я, по всей видимости, очутился в каком-то обширном помещении.

Зажегши принесенный с собою факел, так как пользоваться электрическим фонарем было нельзя, я осмотрелся. Да,

несомненно, это было то самое место, так часто виденное в моих грезах – продолговатая пещера с совершенно гладкими стенами, состоящими из неизвестной мне породы иссиня-черного цвета, мерцающей при свете факела. Прямо посередине темного зала возвышался массивный, грубо обтесанный камень кубической формы. Возможно, это был обломок скалы, а может, и нет. Цвет он имел ржаво-коричневый. Я лишь мог предполагать, что камень исполнял роль алтаря, но в каких целях и для чьего пользования он служил миллионы лет назад – этого я не знал. Возможно, камень этот, как и пещера существовали здесь еще задолго до прихода обитателей погрузившегося в пучины океана материка Белой расы. Так или иначе, но в камне-алтаре находился ключ к моему секрету.

Я медленно приближался к уральскому менгиру², и впервые за все это время липкие щупальца страха коснулись моего сознания и принялись опутывать его предчувствием чего-то кошмарного. Первобытный ужас перед неизвестной опасностью вкрался в мою душу и остался там, уже не покидая меня. Все же, набравшись мужества, я приблизился и, укрепив в выемке факел, опустился перед камнем на колени, шепча направленные к нему заклятия.

Странно, но у меня возникло ощущение, что камень живет и обладает разумом. Наверное, так оно и было, ибо дух

² Менгиры – каменные монолиты, использовавшиеся друидами (кельтскими жрецами) в качестве фетишей в сакральных ритуалах.

может воплотиться и в растении, и в животном, и в человеке и... даже в камне. Несомненно одно: монолит был чрезвычайно древним, я интуитивно чувствовал мощную ауру веков и тысячелетий, излучаемую им в пространство. Камень ощутил присутствие человека и прислушивался к моим словам. Если бы это был кто-либо иной, каменный алтарь попросту убил бы его своей энергией. Но я-то был давным-давно жрецом ариев, и я разгадал секрет менгира.

Почти прокричав последние слова заклиная, я прикоснулся правой ладонью к монолиту и вдруг вздрогнул от неожиданности. Я ожидал увидеть что угодно, но никак не это удивительное превращение камня. Он неожиданно сделался прозрачным и явил моему взору непонятные картины иного, нечеловеческого бытия. Только теперь я догадался, что древний алтарь был окном в иной, отрицательный по отношению к нам мир. Это не был астрал, или дэвачан, или план Ангелов³. Нет, это был антимир, плоскость темных иерархий, тех сущностей, увидеть которые не доводилось никому из Посвященных, по крайней мере, за последние десять тысяч лет.

Я смотрел, не в силах оторваться, сквозь прозрачный алтарь на мелькающие передо мной картины чуждого нам бытия, и мною все более овладевало состояние жуткого омерзения. «Как ужасен и нелеп тот мир», – успел подумать я, как

³ Принятые в оккультизме названия тонких миров (планов): астрального, ментального и духовного.

вдруг в мое «окно» ударило что-то темное и злобное и, пробив его, вырвалось наружу в наш мир. Я почувствовал небывалый по силе и ярости поток чего-то необъяснимо страшного и грандиозного, который с огромной силой отшвырнул меня куда-то в сторону. Я лишь успел заметить вливающуюся через разорванный алтарь черную, зловещую массу, и, издав нечленораздельный вопль, иступленно ринулся вон из пещеры.

Не помню, как я выбрался наружу. Очнулся я перед рассветом, валяясь на зеленой траве метрах в ста от злосчастной скалы. Подумав с надеждой, что произошедшие ночью события были лишь кошмарным сном, я бросил взгляд в сторону вершины и обомлел. Из глубокой расщелины в центре скалы выползала и стлалась по земле темная, густая мгла, в которой вспыхивали огненные искры.

«Что это?!» – с ужасом вопрошал я самого себя и вдруг услышал негромкий, но отчетливый голос:

– Это самое страшное, что могло случиться здесь, на Земле.

Резко обернувшись в сторону говорившего, я с удивлением разглядел полупрозрачную, казалось, сотканную из эфира фигуру. Присмотревшись более внимательно, я обнаружил, что это я сам, точнее, моя копия, представляющая собой сгусток неизвестного энергетического образования.

– Не мучайся догадками, я твой двойник, твой ангел-хранитель. Сегодня, пренебрегая доводами разума, тем, что те-

бе неслышно подсказывал я, ты нарушил вселенское равновесие, открыв окно в инферномиры и впустив сюда порождение Зла, Смерти и Тьмы. Кончиться это может только одним: уничтожением всей планеты ради спасения неизмеримо большего – многочисленных миров и планов Вселенной.

Я внимал неторопливому говору моего ангела, и отчаяние, граничащее с безумием, с каждой секундой охватывало меня все сильнее. Я совершил страшнейший по своим последствиям поступок, и вина моя была в миллиарды раз тяжелее, нежели необдуманный эксперимент Франкенштейна⁴. Я изменил сам ход эволюции человеческих монад⁵. О, Боже, будь, проклято то мгновение, когда мне открылась впервые эта зловещая тайна! Какова теперь будет моя Карма после всего сделанного мною?! Да и что значит моя судьба по сравнению с судьбой целой планеты и цивилизации?!

– Но не падай окончательно духом, – продолжал между тем мой двойник, – ибо отчаяние – удел слабых. Сильная личность может все, ведь в тебе заключена искра Всевышнего, Его бессмертная, неуничтожимая ничем и никем частица. Настанет время, и ты искупишь свою вину, а, может быть, сумеешь еще предотвратить катастрофу. Оставайся на этом месте и жди. Жди знака Судьбы, еще не все потеряно. Сей-

⁴ Франкенштейн – герой одноименного романа Мэри Шелли, имя которого стало нарицательным, обозначая личность, создавшую нечто чудовищное, вышедшее из-под контроля создателя.

⁵ Монада – единое начало, основополагающий элемент бытия (в философии); верховная сущность человека, его душа, «искра Божья» (в оккультизме).

час я покину тебя, но ты не останешься одинок. Надейся на помощь всей мощи Светлых Иерархий космоса и смело иди навстречу опасности. Да пребудет с тобою Господь!

С этими словами дух-хранитель исчез, и я остался один, наедине с выползающим из недр пещеры кошмарным ужасом. Но я уже воспрянул духом после ободряющих слов Ангела, и слабый огонек надежды на предотвращение всеобщей гибели затеплился в моей душе. Сжав кулаки, я твердым шагом направился навстречу мгле.

Ноябрь 1992 г.

Эдуард байков

Майя⁶

Дорога, словно гигантская стрела, простиралась от горизонта до горизонта. Непроницаемая темнота казалась чернильной, лишь дорожное полотно смутно белело призрачным фантомом во мраке ночи. Ни одного звука не доносилось из этой вязкой темени, не было видно очертаний предметов и даже звезд на небе, ни дуновения ветерка, ничего. Вселенная застыла в тревожном ожидании чего-то, застряв в вечности в самом центре Бытия. Дорога натянутой струной напряженно зависла в пустоте среди миров.

Женщина шла по обочине шоссе. Она шагала, не глядя под ноги, ни разу не переступив края дороги, границы меж тусклым свечением дорожного покрытия и непроницаемым мраком. Она целеустремленно продвигалась вперед, не в силах понять, куда так стремиться. Сколько километров осталось за спиной? Сколько времени продолжается ее путь? И что ждет ее в конце?

Неожиданно далеко впереди показалась светящаяся точка, она быстро приближалась, вскоре разделившись на две. Машина неслась на предельной скорости. Сноп яркого света, бьющие из фар, не могли прорезать густую тьму ночи,

⁶ Майя (санскр.) – иллюзия, нереальность, иллюзорные проявления жизни.

отвоевывая у нее лишь небольшое пространство впереди. За рулем сидел мужчина, невидящим взором уставившись перед собой. Руки покоились на рулевом колесе, а в мыслях он был где-то далеко отсюда, оторвавшись от действительности. Дотлевшая до фильтра сигарета обожгла пальцы, он рассеянно затушил ее в пепельнице.

Расстояние между мчащимся автомобилем и женщиной сокращалось. Внезапно сзади ночной путницы послышался рев еще одной машины. Салон ее был ярко освещен, гремела музыка, компания подвыпивших юнцов и девиц горланила, визжала, хохотала, ничего не замечая вокруг. Водитель то и дело оглядывался на своих приятелей, прикладываясь к горлышку бутылки.

Они с пьяными воплями обогнали путницу, бешено пронеслись мимо и едва не сбив ее. Женщина замедлила шаг, в тревоге наблюдая за сближающимися стальными колесницами, запряженными демонами скорости. Сердце на мгновение замерло в груди, затем бешено заколотилось. Водители успели заметить возникшие из темноты огни лишь в последний миг перед столкновением. Этот миг вместил в себя всю Вселенную, все время и пространство, всю жизнь тех, кто находился внутри металлических коробок на колесах. Прошлого, настоящего и будущего как будто не существовало, все уплотнилось в один миг, в одну вспышку посреди хаоса материи.

Женщина широко раскрыла глаза, затаив дыхание, и в ту

же секунду раздался страшный удар металла о металл, вслед за которым взметнулось пламя. Грохот потряс ночь, разнесшись далеко во тьме. В черном мраке запылал багровый отсвет.

Женщина зажмурилась, а когда вновь открыла глаза, не сразу поняла, что быстро наступало туманное утро. Она поспешила на место аварии. Там уже всюду хлопотали дорожные полицейские, огораживая участок лентой. «Мигалки» на патрульных машинах и каретах скорой помощи роняли сполохи в мглистой дымке. Подчиняясь внезапному импульсу, она близко подошла к развороченному корпусу одного из автомобилей.

Представшая ее глазам жуткая картина потрясла своим ужасающим натурализмом. Из-под груды обломков торчала окровавленная рука, приковавшая поначалу все ее внимание. Не в силах оторваться от кошмарного зрелища, она потрясла головой и только тогда заметила остальное. Ей сделалось дурно. На теле водителя практически не осталось живого места, но поразительно – лицо оказалось не тронутым! В каком-то наваждении она задержала свой пристальный взгляд на этом бескровном застывшем лице, затем отвернулась, крепко зажмурившись.

Все менялось и вокруг нее, и в ней самой. Реальность перестала быть таковой. Каким-то непостижимым образом она превратилась в погибшего водителя. Он в задумчивости гнал по шоссе, освещенному лучами заходящего солнца, ничего

не замечая вокруг. Мимо пронеслись пейзажи, вращающиеся с огромной скоростью, колеса пожирали километры, а в мыслях своих он был далеко отсюда.

Догоревшая сигарета обожгла ему пальцы, он вздрогнул и тут заметил впереди на обочине голосующую женщину с ребенком и багажом у ног. Резко затормозив, он остановился, вышел из машины. Приветливо улыбнувшись, предложил подвезти. Женщина с благодарной улыбкой кивнула в ответ. Он наклонился к чемодану. В это время мимо них промчалась машина, битком набитая горланящими юнцами и их подружками. Водитель, как и пассажиры, был пьян – автомобиль на огромной скорости бросало из стороны в сторону. Они чудом избежали столкновения с притормозившей у обочины машиной. Мужчина, распрямившись, проводил их укоризненным взглядом, хмуро покачав головой. На мгновение какое-то неясное воспоминание мелькнуло у него в сознании. Он попытался ухватиться за него, но тщетно, мысль пропала.

Обернувшись, он застыл как вкопанный. Ни женщины, ни ребенка, ни чемоданов – все исчезло, он остался один на дороге. Не веря своим глазам, он в недоумении огляделся. Постояв так какое-то время, вернулся в машину, с растерянным видом уставился сквозь лобовое стекло. Машинально повернул ключ в замке зажигания, тронулся с места.

Внезапно женщина почувствовала, что снова стала сама собой. Она, встrepенувшись, открыла глаза, ожидая увидеть

привычную картину, но взгляд ее натолкнулся лишь на пустынное полотно шоссе, уходящее своими концами в обе стороны горизонта. Полиция, покореженные автомобили – все куда-то исчезло.

Вечерело, солнце почти скрылось за горизонтом. Она в задумчивости осмотрелась по сторонам, затем зашагала дальше по обочине дороги. На землю опускалась ночь.

Май 1998 г.

Лилия Баимбетова, Муса Сатыртдинов Фаэри из башни

Я живу в башне. Этими башнями утыкан весь остров, словно пирог праздничными свечами, и люди не знают, для чего они, эти башни. Не знают, что здесь кто-то живет.

В этой башне, например, живу я. По крайней мере, последние семь столетий. Не так уж я и стара, как порой видится людям: по меркам фаэри я еще не вошла в совершеннолетие. Это людям вечно что-то чудится. Странные они, эти люди. Нынче они позабыли почти все, что связано с фаэри. Люди приносят домой цветущий терновник, не опасаясь навлечь смерть на свою родню. Без сомнений люди проходят ночью мимо срубленного дуба и жгут в камине бузину. Люди многое забыли о фаэри. Нынче люди не пугаются, увидев старуху с огненно-рыжими волосами. Люди боятся грабителей, террористов и полицейских, но они уже не страшатся крика диких гусей, детских рыданий и волчьего воя, не слышат в этих звуках предвестия беды. Люди... На самом деле они почти не меняются: во все времена самое важное ускользало от их внимания.

Я фаэри из башни. Мне нравится здесь жить. В любых башнях, маяках, обсерваториях есть что-то магическое. Но,

конечно, я не все время свое провожу, укрывшись за круглыми стенами. Старые фаэри не любят общество людей, но я-то еще молода! В отличие от занудных бессмертных стариков, только выглядящих молодыми, я появилась на свет, когда в Ирландии кишмя кишели люди. Я не помню тех времен, когда остров принадлежал одним фаэри, и не сожалею о тех временах – с чего мне сожалеть?

Людей я люблю. Люди очень забавные, иногда милые, иногда глупые, и наблюдать за ними – одно удовольствие. Да и предназначением своим я связана с людьми.

Я люблю пройтись по улицам человеческих городов, обернувшись молодой девушкой, люблю посидеть в пабе, потанцевать и посмеяться. Ах, в пабе все и началось, в пабе под названием «Веселый Пэддик». Я пила гиннес, восхитительный, словно первая песня смерти, даже лучше, чем пиво лепрехунов. В паб вошел парень и уселся у стойки. Парень как парень, крепкий, темноволосый.

А я вдруг с непостижимой ясностью поняла, что он – англичанин.

Англичанин – в ирландском пабе, в самом сердце католического квартала в Дерри! Люди придают значение подобным вещам, англичанин никак не должен был здесь оказаться.

Я разволновалась не на шутку. Я фаэри, но это не значит, что я люблю англичан. Когда-то фаэри сами сражались за обладание Ирландией, фаэри тоже случалось быть здесь

узурпаторами и побежденными, но я-то этого не видела. Мне должно быть все равно, подумаешь – англичанин посреди католического квартала.

Но я не люблю англичан. В конце концов, когда я родилась, они еще не были здесь хозяевами. А потом вдруг пришли – и привели с собой брауни, гоблинов и прочую английскую нечисть. Нечисть не очень-то прижилась, а англичане остались. И немало я спела песен смерти по ирландцам, павшим от рук англичан.

И вот один из них, из захватчиков зеленой земли, сидит здесь и нагло выдает себя за местного.

Я вся кипела от злости. Почему бы ни крикнуть на весь зал: это англичанин! Ткнуть в него пальцем. Но тут он вдруг оглянулся и посмотрел мне в глаза.

Взгляд фаэри обладает особой силой, и душа этого англичанина предстала предо мной, словно на ладони.

И я испугалась.

Он был солдатом, этот англичанин.

И еще он был убийцей.

Ах, видела я английских солдат, ирландских, норвежских и шотландских пиратов, но этих, из Херефорда, встречать мне еще не доводилось – хвала болотным огням! Не зря ирландцы говорят о солдатах из Херефорда: если SAS стучится в твою дверь, значит, это пришла твоя смерть. Мне показалось, что взгляд его с той же легкостью срывает покровы с моей души, с какой я читала в его сердце. Нет, просто пока-

залось – обычный человеческий взгляд.

И я сидела тихо-тихо, не смея вздохнуть, пока англичанин не ушел из паба.

Впрочем, вернувшись к себе в башню, я скоро забыла об этой встрече, и жизнь моя потекла спокойно и ровно, как текла до того семь недолгих столетий. Я всегда предпочитала задумчивое созерцание деятельному участию в жизни. Я вам не лепрехун, чтобы носиться туда и сюда, я предвещаю смерть, а это – дело серьезное.

Я прожила так год и еще год – словно краткий миг, и вдруг меня посетило видение, слишком яркое, чтобы быть ложным.

Мне пригрезилась пустыня из тех, что засыпали некогда сказочные королевства Ближнего Востока. Мне пригрезился песок, серый, будто само время, чахлые колючки, ледяной ветер небывалой для этих мест зимы – и запах пустыни, жестокий, горький и сладостный запах безвременья и смерти.

В этой пустыне блуждали восемь английских солдат. Их преследовали, и они убивали преследователей, и бежали – день за днем, через дождь и ветер. Позади оставались убитые, раненные, множество пуль, остывающих в песке – или среди мяса и костей.

Ах, я могу проникнуть в душу любого человека, но только никогда не пойму этих из Херефорда! Ну что они забыли в пустыне? Конечно, люди теперь часто воюют далеко от дома, но чаще всего они делают это очень забавным способом:

бросают с летучих железяк падучие железяки. Смешное зрелище – современная человеческая война.

Но восемь солдат бежали через пустыню, не отделенные от преследователей сталью, бежали, уповая лишь на крепость своих ног. И никто не спешил прийти на помощь англичанам. Ирландцы говорят: если SAS стучится в твою дверь, значит, это пришла твоя смерть. И смерть постучалась в двери пустыни, но с равной беспощадностью она преследовала всех, и британские солдаты умирали столь же бесповоротно, как умирают все люди на земле.

Но тут я заметила, что англичане вовсе не один на один остались со своей судьбой. Нет, их преследовали не только люди, потомки сказочных разбойников Багдада, их загоняли те, кому англичане не могли дать отпора.

Духи пустыни!

С тех мифических пор, когда один из древнейших народов фаэри по прозванию фир болг жил в пустынных горах Средиземноморья, мы, фаэри, не любим духов пустыни. Давно сгинули фир болг, третьими завоевавшие Ирландию, а после отдавшие ее Tuatha de dannan, а вражда все равно осталась. Духи пустыни жестоки и кровожадны, они любят забирать жизнь у заблудших путников.

Это они, духи пустыни, гнали английских солдат, это они пили их жизнь по капле. Трое англичан умерли. Четверо попали в плен, и человеческие мученья уберегли их от сверхъестественных преследований.

Но последний из англичан все так же упрямо шел на север. Мой англичанин, тот самый – из паба «Веселый Пэддик».

Он шел и шел. Ему было нечего есть, нечего пить, и ноги его были изранены. Духи пустыни, словно летучие мыши, кружили над ним. Ах, любители поживиться на дармовщину! Они пьют чужую кровь будто вино. Этот человек убивал ирландцев, а все же он был не чужой мне, я смотрела ему в глаза, я читала его душу. Его губили пустынные проходимцы, отщепенцы волшебного рода, и я возмутилась: будто мало ему жажды, холода, сотен вражеских солдат, рыщущих по пустыне.

На шестой день он смог напиться воды – только ручей этот был радиоактивным. Духи пустыни издевались над жертвой, но англичанин все шел и шел, хотя давно должен был сдаться и умереть. Я ненавижу несправедливость. Я вестница смерти, но всего лишь вестница. И ведь порой без меня люди не могут узнать о смерти своих близких – или не успевают подготовиться к своей собственной.

А эти пустынные, так сказать, духи творили явную несправедливость.

И тогда я решила: будь что будет. Разве моими предками не были фаэри, отвоевавшие Ирландию у самой судьбы? Ведь у моего англичанина были жена, дети – и брауни, и все они ждали его возвращения, а брауни – больше всех. Дом без мужчины – не дом. Тяжело, наверное, приходится брауни при таком хозяине, который вечно пропадает в каких-то пу-

стынях. Ничего, теперь будет сидеть дома – если выберется. Духи пустыни не сумели отнять его жизнь, но выпили здоровье до самого доньшка.

И я шагнула с дощатого пола моей башни на серый песок, встав между англичанином и его преследователями. Человеку с ними не справиться, но я-то сумею. Их пески не древней моих зеленых холмов.

Ах, лишь в последний миг жизни я поняла, сколь наивной дурочкой была. Ведь я всего лишь бэнши, маленькая огневолосяя бэнши, куда мне тягаться с древними духами жестокой пустыни! Они разметали меня в клочья, и я умерла, и огни Волшебной Страны воссияли предо мной.

Сам король сидов не поленился прийти, чтобы встретить меня в своей стране. А я с трепетом смотрела, как он идет ко мне. Финварра, король сидов, не принадлежит к тем фаэри, что из незабудок шьют себе перчатки и летают по ночам на крестовнике, от него снисходительности не дожидаться. Он и не сид по крови, король наш, он из Tuatha de dannan, из древнего могучего народа.

И вот он подошел, и я взглянула в его серые глаза, ожидая приговора.

Усмехнулся Финварра, король сидов, глядя на меня.

– У тебя глупая голова, но хорошее сердце, – сказал он мне. – Ты правильно сделала, бэнши, но вот что я скажу тебе: пока твоя голова не станет достойна твоего сердца, за пределы Волшебной Страны тебя не выпустят.

Ах, он наказал меня, а мне казалось: он меня похвалил!

А мой солдат дошел. За восемь дней он преодолел триста километров, он исхудал, он почти умирал, но все равно дошел к своим. Лишь через две недели он смог снова встать на ноги. Но его жена, дети – и брауни были счастливы, когда он вернулся домой.

Короля сидов я видела еще только раз. Он принес мне вести о моем солдате и посмеялся: вестница смерти, ты подарила жизнь.

И я долго думала над этим, но решила: это не страшно. Ведь мой король сказал, что я поступила правильно.

Волшебная Страна прекрасна, и лишь одно отравляет мне жизнь: я скучаю по своей башне.

Июнь 2003 г.

Лилия Баимбетова

Погоня

По кустарнику, через бурелом, распугивая птиц и мелких зверюшек. Объятый золотом лес метался в такт безумной скачке. Конь Охотника еще возле обоза получил стрелу в бок и сейчас хрипел, дотягивая из последних сил, подгоняемый волей своего хозяина. Наконец он споткнулся передними ногами и рухнул на бок, придавив всадника. Шлем слетел с головы Охотника, и золотистые длинные кудри ореолом легли на траву вокруг бледного лица. Женщина.

Ворон остановился, и на миг противники замерли, глядя друг на друга.

Она – та, что звалась в миру Эсса Дарринг – тцаль двенадцатого отряда Охотников, она проклинала все на свете. Ей нельзя было вмешиваться в схватку. Она должна была думать теперь не только о себе, но и о той жизни, что в себе носила. Поэтому она и ехала – от Границы, возвращаясь к своим родным: чтобы в безопасности выносить и родить. Но банды Воронов иногда забираются довольно далеко от Черной речки; и когда на рассвете они напали на обоз, обогнавший ее на тракте, она сразу почувствовала присутствие Воронов, поняла, что происходит, и – рванулась вперед. Не думая ни о чем, повинувшись лишь своему предназначению.

Сейчас, придавленная собственным конем, она смотрела в алые глаза Ворона и ждала смертельного удара, немного приподнявшись на локтях. Совершенно нереального оттенка золотистые кудри рассыпались по плечам, бледное тонкое лицо было поднято к Ворону, и серые глаза смотрели на него – не отрываясь. Но лицо ее, нежное, совсем еще детское, было спокойно, да и мысли были спокойны. Она была – тцаль, она сожалела о своей глупости и только, но умирать она не боялась, даже напротив. Она чувствовала в своем противнике превосходящую силу (он был, пожалуй, хонг или веклинг, а то и дарсай), и ей было приятно, что она умрет от руки достойного противника.

Ворон не шевелился. Выражения его лица не было видно, шлем оставлял открытыми только алые глаза и узкие губы, нос был скрыт полоской металла. Кривя губы, Ворон разглядывал тоненькую фигуру тцали. Потом спешился и, подойдя к ней, опустился рядом на колени. Рука его в кожаной перчатке легла на еще плоский живот.

Вокруг было страшно тихо. Где-то далеко позади остался обоз, крики и шум боя. Здесь на опушке, среди зарослей шиповника и ежевики, они были наедине – изначальные враги, Ворон и Охотник.

«Дарсай, не меньше, – мелькнула у нее мысль, – веклинг не смог бы почувствовать мою беременность». Мелькнула и погасла. Молодая женщина, почти не дыша, смотрела на Ворона. Сейчас, вблизи она видела, что темно-зеленый плащ

его сильно потрепан, кольчужная рубаха тусклая, металлические кольца кое-где смяты. Уголок его рта пересекал тонкий шрам.

Узкие губы Ворона искривила странная усмешка. Он хлопал рукой по ее животу, легко поднялся и пошел к своему коню. Не оглядываясь, вскочил в седло и уехал.

Девушка уронила голову в траву и посмотрела в небо – бледное, с рваными клочьями облаков. Она была страшно растеряна. Он пощадил ее – почему? Это было так странно...

А вокруг стоял ясный сентябрьский день, и раззолоченный лес шумел под порывами ветра. И было очень тихо, только иногда всхрапывал умирающий конь.

Январь 2000 г.

Денис Лапицкий

Пять миллионов счастливых

Щелкнул иньектор, игла остро уколола кожу. По телу медленно прошла обжигающая волна, изгоняя последние остатки холода, кисти и ступни свело судорогой.

Сергей медленно разлепил веки, сломав хрусткую корочку подсохшей слизи. Понятно теперь, почему перед гибернацией рекомендуют срезать ресницы – раз поотдираешь подсохшие катышки с нежными волосками, навек запомнишь.

Он с трудом сфокусировал взгляд на закрепленном рядом с головой мониторе. Огоньки все зеленые, слава Богу... Хотя, если бы системы засбоили, он бы вообще не проснулся. Сергей потянулся к пеналу аптечки, преодолевая тянущую, томительную боль в закостеневших суставах. Проклятье, больно-то как... Вытянул капсулу с глазными каплями, поднес к глазам, выдавил под каждое веко по несколько вязких шариков. Зрение сразу стало резче и ярче. Эта небольшая нагрузка исчерпала весь его запас сил, он со стоном упал на жесткую подстилку, и отключился.

Очнувшись во второй раз, он долго не мог вспомнить, где находится. Через полупрозрачный колпак криокамеры просвечивали странно знакомые контуры предметов. Сергей долго и сосредоточенно разглядывал их, прежде чем узнал

в этих нагромождениях блоков навигационный компьютер и курсовой расчетчик.

Только после этого он коснулся пластины замка, и прозрачный колпак с резким шипением соскользнул назад. Вцепившись в края ячейки, Сергей с трудом поднялся, и выбрался на свободу. Тут же ноги свело судорогой, и он кулем рухнул на холодные пластиковые плитки пола. Живот сжала ледяная когтистая лапа, и Сергей с натугой выхаркнул какой-то липкий студенистый комок, который желто-зеленой медузой размазался по полу. Боль была такой сильной, что хотелось заплакать. Но глаза были сухи.

Перевернувшись на спину, он отдышался, подождал, пока успокоится резь в желудке, и немного утихомирится бешено колотящееся сердце, и только потом медленно и осторожно поднялся на ноги.

В пилотской кабине было очень тесно. Перед кривошейкой высилось множество модулей управления, стены были усеяны экранами и пультами. Вытащив из шкафчика темно-зеленый комбинезон, Сергей натянул его на голое тело, защелкнул замки ботинок. Одежда пахла пылью, а ткань, казалось, была готова расползтись под пальцами от ветхости. В этом не было ничего удивительного – комбинезон провисел в шкафчике более ста пятидесяти лет. Именно столько прошло времени с момента старта.

Протянув руку к пульту, Сергей повернул регулятор, и тускло тлевшие лампы вспыхнули бело-голубыми солнцами.

Замигали контрольные огни, ожили компьютеры, выбросившие на экраны результаты тестовых проверок корабельных систем.

– Ну, – ежась от холода, сказал Сергей, – с добрым утром, что ли....

* * *

Запив вязкую и безвкусную белковую кашу последним глотком столь же безвкусного кофе, Сергей сунул пластиковый поднос в мусоросборник. Потом снова наполнил стаканчик горячим напитком из автомата, и выпил кофе мелкими глотками. Он все еще никак не мог полностью согреться после полуторавекового сна в гибернаторе.

Сны... Сны в гибернаторе – это нечто особенное. Обычный физиологический процесс отдыха превращался во что-то необъяснимое. Спорадическая игра электрических импульсов в условиях сверхдолгой и глубокой заморозки порождала в нейронной сети мозга удивительные по сложности и фантастические по красоте картины, слагавшиеся в феерические симфонии красок и ощущений, равных которым не создавал еще ни один художник. Низ живота у Сергея свело сладкой судорогой, когда он вспомнил о том, какие ощущения пережил в гибернаторе.

Глубина, острота и спектр ощущений напрямую зависели от продолжительности криосна. Сначала, после заморозки –

ничего, лишь липкая черная мгла. Потом приходит боль, которая острыми ледяными клинками рассекает тело. Во время разработки метода анабиоза все считали, что возникающие болевые ощущения – своего рода предупреждения мозга о непереносимости криосна, но потом группа добровольцев преодолела болевой порог, и, проснувшись, люди рассказали, что...

...Что острые лезвия, рассекающие плоть, обращались в невесомые кружева, потоки яркого света, пронизывающие плоть и рождающие ощущение удовольствия. Волны невиданного наслаждения омывали тело, откатываясь, и через секунду набегая снова. В них было все – ласковое касание рук, тепло солнечных лучей, невесомое скольжение шелковых полотнищ по обнаженному телу... Огненный жар любовного экстаза и томительный сладкий ужас беззащитности, убаюкивающая нежность морских волн и жаркое биение крови в сосудах...

Космический переселенческий транспорт «Ковчег 47» покинул Землю 152 года назад. За полтора столетия полета корабль достиг системы, в которой имелась планета, пригодная для заселения. В своем вместительном чреве огромный корабль нес пять миллионов человек, спящих в ячейках-криокапсулах, различную технику, механизмы и материалы, необходимые для основания первичной колонии. Нужно было закрепиться в новом мире, и сразу же послать сигнал на отдаленную сотнями триллионов километров Землю

– и через полтора века на орбите появятся десятки транспортников, везущие сотни миллионов людей.

Автоматические анализаторы наконец-то закончили изучение планеты и, скомпоновав информпакет, передали его на центральный компьютер.

Прихлебывая кофе, Сергей вчитывался в строчки сообщения. Планетка оказалась – дай Боже! Пониженное содержание кислорода в атмосфере, большая часть суши занята горами и пустынями, редкие леса сосредоточены, в основном, в холодных приполярных областях, мало больших рек и крупных пресноводных водоемов, гравитация – полторы земных.... Медицинский модуль уже начал проращивать микробные культуры на предмет выявления опасных вирусов, но таковых, к счастью, пока не обнаружил. Хоть какой-то плюс.

Теперь нужно было отправиться в главный криозал, и проверить состояние криоячеек. Пройдя узким извилистым коридором, отворив и снова заdraив за собой несколько шлюзов, Сергей вышел в огромное сферическое помещение. Открывшаяся картина потрясла воображение. Выдававшийся из стены узенький мостик заканчивался круглой площадкой с размещенным на ней пультом управления. А все остальное пространство занимали ячейки. Вернее, они только назывались ячейками – и на самом деле это были лишь прочные пластиковые пакеты, в которых в позах эмбриона свернулись люди. Пакеты гроздьями висели на толстых белых «пупови-

нах», по которым в ячейки подавался охлаждающий газ.

Сергей подошел к пульту, вызвал тест-прогон.

«Сбой рабочего цикла в ячейках №№ 199, 240, 750, 3677...». Всего таких сообщений было около десяти тысяч. Фраза «Сбой рабочего цикла» означала, что человек, спящий в названной ячейке, умер. Сергей прикинул в уме процент погибших. Два десятых процента – цинично, но это вполне укладывается в нормы риска. Да еще десяток человек из каждой тысячи не пробудятся – тоже «норма». А что делать – губернаторы ляпаются на скорую руку, как и сами корабли, и делается все для того, чтобы ускорить срок сдачи. Какая уж там надежность систем....

Но все равно, с какой бы скоростью не строились «Ковчеги», берущие на борт по пять миллионов человек разом, население Земли растет намного быстрее.

Собственно, именно желанием избавиться от перенаселения и было продиктовано начало работ по программе «Ковчег». Если бы на Земле хватало продовольствия и ресурсов, никто бы и носа не высунул за границы атмосферы. Но призрак голода висит над человечеством – и «Ковчеги» сходят со стапелей. Когда б не острая необходимость, люди бы ждали, пока не появятся корабли, более совершенные, чем тихоходные релятивистские транспортники, эти чудовищно прожорливые и ненадежные монстры, способные выдать лишь несколько процентов от скорости света – а если таких не придумают, так и пропади он пропадом, космос ваш, вместе

с планетами, близкими и тем более далекими. Но большая часть человечества никогда, ни разу в жизни, не ела досыта – поэтому им довольно легко ответить на вопрос, который задают на вербовочных пунктах: «Согласны ли вы лететь, и отказываетесь ли вы от всех возможных претензий впоследствии?». Какие претензии? О чем им жалеть? О бамбуковой хижине под Пекином или Шанхаем? Об участке мостовой в Бомбее или Дели, где на трех квадратных метрах ютится целая семья, укрываясь от непогоды картонным навесом? О миске похлебки из водорослей и крысятины – и ты пойдешь еще поймай ее, ту крысу....

А вместо этого им предлагают много работы в пункте назначения и гарантированный минимум калорий в течение года – когда (и если) корабль прибудет к цели. Кто не согласится на такой размен? А что до некоторого риска не проснуться... Так лучше умереть в космосе, чувствуя себя посланцем далекой Земли, чем ползать на брюхе где-нибудь в подворотнях Сан-Паулу, вымаливая кусок маисовой лепешки у таких же оборванцев, как ты... Поэтому запись в колонисты идет споро. Поэтому очередь расписана на много лет вперед. И поэтому у всех, кто лежит в криокамерах, такие счастливые лица. Даже у мертвых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.